

В последний день Края Конца.

Сюанью погибла от Разжижения.

Чжу Цзюэ погиб от Взрывного Огня.

Лазурный Дракон пал перед деревом.

Белый Тигр не смог удержать колокол, который был призван защищать.

В самый последний момент своей жизни Лазурный Дракон выдвинул собственную последнюю просьбу.

Используя силу Переноса Души, он отделил собственную божественную душу, взял за основу ветку дерева и насильственно разорвал связь Парных Цветочков, ценой собственной гибели обеспечив выживание Небесного Дракона.

Однако в суматохе, даже столь хладнокровный, как Чжан Чэньцзэ, допустил крошечную, но смертельную ошибку.

Перенос Души потерпел неудачу.

Душа Лазурного Дракона не переместилась на ветку дерева, а вместо этого превратилась в сгусток света и устремилась в трещину, где не было видно ни луча света.

Вслед за ним устремились еще два слабых луча.

В этот самый момент в Персиковом Источнике.

Белый Тигр одиноко стоял посреди пустой площадки, где до конца разрушился огромный колокол.

Колокол исчез.

Эхо Разложения медленно пожирало его тело.

Кожа, мышцы, кости — все крошилось, отделилось и рассеялось на микроскопическом уровне.

Никакой острой боли, лишь медленное, холодное и необратимое увядание, словно сам мир

полностью стер следы его существования.

Он посмотрел на свое постепенно разлагающееся из-за Разложения тело и скорбно вздохнул:

— Этот день все-таки насталь...

— Обман богов... Ни один не выжил...

Тело Белого Тигра окончательно разрушилось, превратившись в мелкие брызги плоти, которые разлетелись по ветру и растворились в атмосфере Персикового Источника.

На этом пали все четыре Божественных зверя.

Однако в этот момент неожиданно возникло странное явление.

Белоснежный сгусток света вырвался из тела Белого Тигра и помчался к разлому.

Души четырех Божественных зверей в этот самый момент соединились в пустоте.

Падение, невесомость, небытие.

Таково было единственное и полное восприятие Лазурного Дракона в этот момент.

Ни неба, ни земли, ни законов, ни круговорота сансары — лишь бескрайняя тьма и бесконечно падающая пустота.

Остатки сознания слабо колыхались, бесконечная усталость и крах обрушились на его последнюю божественную душу.

— Все-таки потерпели неудачу...

Надежды рухнули, жертва оказалась напрасной, и последняя просьба так и не принесла желаемого результата.

Но сразу после этого странное недоумение медленно поднялось в мертвенно-тихом сознании.

— Но... почему это происходит...

— Почему я здесь...

Сознание Сюанью тихо плавало и покачивалось в этой темноте, без страха, без сожалений, без горечи падения — лишь со спокойствием, накопившимся за мириады лет и наконец-то сбросившим с плеч тяжелейший груз.

Оказывается, таков мир после смерти.

Долгие, почти вечные оковы, ожесточающе повторяющаяся миссия, бесконечная стойкость и истощение в череде перерождений — в этот момент всё подошло к концу.

Слабое, но совершенно реальное ощущение освобождения медленно поплыло по ее уцелевшему сознанию, разглаживая накопившуюся за вечность усталость и шрамы в глубине божественной души.

Каждый день своей жизни она должна была намертво цепляться за хаотичные правила Персикового Источника, подавлять бушующие в глубинах земли аномалии законов и латать трещины рушащегося раз за разом круговорота.

Миллионы перерождений сменяли друг друга, люди менялись, бушевали бури, и лишь она неизменно стояла на прежнем месте, в бессмертном теле неся самую тяжелую и бесконечную ответственность.

Она никогда не смела расслабиться, никогда не смела отступить, ей оставалось лишь упорно держаться до самого конца, служа самой прочной и безмолвной основой Края Конца.

Но теперь все было кончено.

В темной пустоте сознание Сюанью тихонько бормотало, ее внутренний голос звучал глубоко и облегченно, неся усталость и нежность исчерпавших себя за тысячелетия страданий.

— Значит, это и есть загробный мир...

Она медленно расслабилась, позволяя сознанию покачиваться в темноте; от холодной величественности стража-Божественного зверя за мириады лет не осталось и следа, сохранилась лишь самая истинная безмятежность и легкость.

— Умерла же...

Этот тихий вздох означал облегчение, освобождение и окончательный финал.

— Умереть — это хорошо...

Больше не нужно изо дня в год, из года в год намертво охранять правила Персикового Источника, больше не нужно изо всех сил удерживать готовый в любой момент рухнуть порядок, больше не нужно смотреть на вновь и вновь разыгрывающиеся страдания сансары, больше не нужно в одиночку нести ни с кем не разделенное бремя стража.

— Умрешь — и не придется жить в мучениях...

Эти безмолвные терзания, вечное одиночество, боль разрываемой божественной души и не имеющая конца ответственность — все это закончилось здесь.

Каждый миг жизни был оковами, истощением, принудительным долгом.

Только смерть была ее единственным спасением за десятки лет.

— Умрешь — и больше не нужно поддерживать правила...

Темнота была безмятежна, всё кончено.

Сознание Сюанью вновь и вновь смаковало этот с таким трудом доставшийся покой, на самом дне ее сердца осталась лишь последняя нежная истома, тихо опустившаяся в бескрайнюю пустоту.

— Как хорошо, что я умерла...

Остатки жара от сожжения пламенем все еще теплились в разбитых осколках божественной души.

В полном контракте с уходом Сюанью в небытие и ее тихой смертью, принесшей лишь освобождение, уцелевшее сознание Чжу Цзюэ, только что вырвавшееся из невыносимой боли взрывной гибели, наполнилось в первый же миг чудовищным, неукротимым гневом.

Вся пустота была темной и холодной, без единого проблеска пламени, но в его божественной душе всё еще жило пронизывающее насквозь ощущение саморазрушения.

— Ху Ижань!

Яростная ругань едва не разорвала этот трепещущий алый сгусток души, с предельной обидой и злостью громогласно взорвавшись в мертвенной пустоте.

— Да чтоб тебя!

Он всю жизнь управлял Персиковым Источником, бесчисленное количество раз сражался в крови среди круговоротов сансары, никогда не проигрывая врагам и никогда не будучи побежденным Участниками в лобовом столкновении.

Но на этот раз он погиб не от вражеской засады, а пал из-за Эха собственного товарища.

Море обиды клокотало в глубине души, наполняя Чжу Цзюэ жгучим негодованием и затаенной злобой.

Если бы не примененный Ху Ижанем Взрывной Огонь, его бы постигла вовсе не такая гибель.

— Если бы ты, вонючий Ху, не применил этот Взрывной Огонь и не подорвал меня, я бы сейчас преспокойно жил!

Алый сгусток света в гневе дрожал в пустоте, бурля от несправедливого огня.

Приближался переворот, правила рушились, и четыре Божественных зверя и так оказались в безвыходном тупике, у каждого края пропасти.

Он уже давно был готов к гибели на Краю Конца, но мог смириться с тем, что падет от рук Участников, от Разложения или от Небесного Дракона, но никак не от рук собственного соратника.

— Ты, Белый Тигр, какого хрена взрывал меня, а не Участников?! Совсем с дуба рухнул?!

Чем больше он думал об этом, тем сильнее злился.

Бесчисленные Участники мutilовали круговорот, бесчинно нарушая правила и переворачивая всё в Персиковом Источнике.

Тех, кого действительно следовало сжечь дотла пламенем и стереть в порошок взрывом, было пруд пруди.

В итоге Белый Тигр не стал трогать Участников, а применил Взрывной Огонь против такого же Божественного зверя — против него самого, разом оборвав его последние дни. Это было так нелепо и абсурдно, что его сердце кипело от гнева, которому некуда было выплеснуться.

Жгучая ярость клокотала какое-то время, переполненная обидой, досадой и упрёками, заполнив всё уцелевшее сознание Чжу Цзюэ.

Однако этот бурный гнев продолжался недолго.

Всего через несколько мгновений буйства эта чудовищная волна гнева, словно догоревшее пламя, тихо и быстро угасла.

Бескрайняя тишина пустоты навалилась тяжелым грузом, смывая все обиды и гнев.

В помраченшем сознании всплыл образ последних мгновений Края Конца.

Четыре стража, четыре Божественных зверя, соратники, бок о бок защищавшие Персиковый Источник на протяжении семидесяти лет — все пали.

Всё, что было знакомо, растворилось в ничто.

Трепещущий алый сгусток души Чжу Цзюэ постепенно успокоился, прежняя воинственность полностью рассеялась, оставив лишь пустую отрешенность.

Он тихо пробормотал, в его тоне исчезли всякая резкость и злость, осталась лишь опустошенность и усталость после финала Края Конца.

— Впрочем... все ведь мертвы...

Бесчисленные перерождения, они вчетвером охраняли западные рубежи и поддерживали вращение сансары.

Год за годом, без конца и края, в унылые годы стражи они были друг для друга единственными сородичами и единственной связью.

Теперь же западные земли опустели, и все товарищи пали.

— Жить одному... пожалуй, тоже слишком скучно.

Если бы все погибли, а он один влачил жалкое существование среди руин разрушенного финала, сторожа разбитую сансару, пустой Край Конца и в одиночку глядя на опустошенную пустоту — такая жизнь потеряла бы всякий смысл.

Гнев рассеялся, обида улетучилась, а запутанные упрёки растворились перед лицом общей для всех гибели.

Запредельной буре и ярости последовало предельное прозрение и принятие.

Край Конца настал, боги пали, и никто не избежал участи.

Сгусток света Чжу Цзюэ окончательно успокоился, все навязчивые идеи, обиды и досада развеялись по ветру.

Он тихо вздохнул, принимая собственный финал и неизбежный для всех Край Конца.

— Ладно, раз умер — так умер.

Белый Тигр молча смотрел на разворачивающуюся перед ним сцену.

Эта сцена была до боли знакома: более 70 лет назад он уже переживал точно такой же момент.

Он просто закрыл глаза, больше не воспринимая окружающий мир.

Прошло неизвестно сколько времени — возможно, несколько лет, несколько десятилетий, несколько веков или целая вечность.

Души четырех Божественных зверей потускнели и потеряли всякий блеск.

Их воспоминания были стерты за «вечные» годы, и лишь их собственные имена все еще оставались высеченными в сознании.

В этот момент перед ними медленно открылась «дверь», втянув внутрь души всех четырех Божественных зверей.

Что находилось за «дверью», не знал никто.

<http://bllate.org/book/22376/2347540>